

СПОСОБНА ЛИ ФИЛОСОФИЯ СОХРАНИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ?

Пугачев Олег Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Пензенский
государственный аграрный университет
pugachev.o.s@pgau.ru

Русакович Юрий Александрович

Аспирант, Пензенский государственный аграрный
университет

Дорофеева Татьяна Геннадьевна

Кандидат философских наук, доцент, Пензенский
государственный аграрный университет

IS PHILOSOPHY CAPABLE OF PRESERVING THE HUMAN IN MAN

**O. Pugachev
Yu. Rusakovich
T. Dorofeeva**

Summary: The article raises questions about the relationship of knowledge and understanding, the scientific or unscientific status of philosophy in the light of its cultural significance in the modern conditions of the "dehumanization" of the world. Philosophy as the highest level of spiritual culture is losing ground in a world focused on material success. Meanwhile, philosophy has a rich experience of comprehending the material world, its humanization, when a person ceases to be a "fact among other facts". In the conditions of an ethical vacuum, i.e. in the absence of forms of spiritual culture capable of explaining the mass death of people, philosophy expresses the desire for the fullness of consciousness, preserving its historical purpose – to reveal the human in man (V. S. Solovyov).

Keywords: philosophy, ethics, culture, humanism, cognition, freedom, personality, dignity.

Аннотация: В статье поднимаются вопросы о соотношении знания и понимания, научном или ненаучном статусе философии в свете ее культурной значимости в современных условиях «расчеловечивания» мира. Философия как высший уровень духовной культуры сдает позиции в мире, ориентированном на материальный успех. Между тем как именно философия имеет богатый опыт постижения вещного мира, его очеловечивания, когда человек перестает быть «фактом среди других фактов». В условиях этического вакуума, т.е. отсутствия форм духовной культуры, способных объяснить массовую гибель людей, философия выражает стремление к полноте сознания, сохраняя свое историческое предназначение – раскрыть человеческое в человеке (Вл. С. Соловьев).

Ключевые слова: философия, этика, культура, гуманизм, познание, свобода, личность, достоинство.

Современная культура представляет собой сложное и разветвленное целое, охватывающее извне и включающее в себя все основные сферы материально-духовной жизни общества и отдельных индивидов. Этот «системный холизм» культуры настолько сложен, что до сих пор не имеет адекватного категориального статуса, что весьма ярко проявилось в попытке разграничения понятий «культура» и «цивилизация», активно предпринятой в отечественной гуманитарной науке в начале 90-х годов прошлого века. Тем не менее, на уровне обыденного бытования языка всегда существует некий интуитивный сигнификат, придающий тому или иному категориально зыбкому построению статус онтической прочности, укорененной в уверенности субъекта определять и различать рационально отраженные образы как релевантные признаки объекта

Культура – это отличное от первозданно-природного, нравственно и эстетически ценное и утилитарно значимое для человека, способом практической или умственной деятельности измененное им в человеко-размерном плане. Наличие различных уровней в единой культуре способствует определению некоей «субординации» в данной сфере, в том числе, и среди духовных образований. Вопрос о научном или ненаучном статусе

философии до сих пор остается нерешенным, но он не играет важной роли, когда речь идет о культурной значимости философии, поскольку очевидно, что философия имеет как те признаки, что сближают ее с наукой, так и те, что не свойственны последней.

Если не вести речь о сущности философского понимания, в отличие, скажем, от рационального процесса науки, то в чем тогда состоит роль усвоения философии как определенной системы знания? Если о знании в сфере науки мы привыкли говорить во вполне традиционном смысле, и только аналитическое исследование выявляет здесь неоднозначность самой формы знания, ее несовпадения с собственным определением в процессе исторического времени, движения от одних теорий к другим, более истинным, а значит, к подлинному знанию от неподлинного и неполного. Но, по определению, неподлинного знания не бывает.

Что же в таком случае представляет собой религиозное знание или философское знание в плане соответствия наших мыслеобразов свойствам постигаемого объекта? Здесь мы сталкиваемся с логической ошибкой подмены тезиса, иными словами, говоря о философском или религиозном знании, мы имеем в виду, на самом

деле эти два предмета как объекты познания. Мы, таким образом, познаем философию как систему понятий, категорий, учений, концепций, идей и религию как тот или иной свод текстов, имеющих для верующих сакральное значение, мы имеем в своем распоряжении и сумму сведений об истории той или иной религии и об ее деятелях: пророках, святых и т.д.

Однако для философа, погруженного в сферу специфически философских идей, его размышления о бытии могут рассматриваться по своим результатам как форма приращения именно знания, и он всегда может дать себе отчет в том, до какого момента своей мыслительной деятельности он «знал» меньше, а с какого это «знание» увеличилось. При этом появляется еще одна задача, требующая своего разрешения, и потому приобретающая статус проблемы: как различить знание и понимание. Что такое «понимать» вообще в сравнении с тем, что можно «знать»? В первом приближении программа и акт понимания, осмысления кажутся более глубокими, чем знание. Например, если сравнить знание с поверхностным знакомством с предметом, а понимание – с углублением в этот предмет. Но ведь есть и дифференциация на знания глубокие и не глубокие, когда в первом случае снова имплицитно подразумевается момент понимания как знание о более глубоких механизмах связи, причинно-следственных отношениях в том или ином предмете, объекте или их системах.

В определениях философии как особого рода дисциплины на первое место чаще всего выдвигается именно понимание, а знание имеет как бы второстепенную роль. Перефразируя известное высказывание, можно было бы сказать относительно такой позиции: знаю, чтобы понимать. Зачастую звучит мотив преобладающего статуса понимания в сравнении со знанием. Однако результатом понимания не просто выступает понятие: понятия (категории) зачастую сами должны быть поняты и в этом смысле – познаны.

Со времен Г. Фреге логическая семантика различает смысл и значение языковых конструкций, а понятие трактуется как логическая функция. Однако этот логико-математический уровень философии, хотя и открывает, и описывает достаточно четко те логические проблемы, которые имеют самое непосредственное отношение к знанию и пониманию, тем не менее не является на высшем, ни, тем более, исчерпывающим. Дело не только в том, что это довольно узкая и специальная область философии, но и в том, что данная область при всей своей формальной правильности не может удовлетворить живого познавательного порыва, вопрошающего о сути и смысле бытия, человека, природы... И это вопрошание мало интересуется вопросом о том, насколько оно логически правильно и корректно, ведь его истоки – стремление человеческого существа к по-

стижению мира. Как же быть с тем, что в современной культуре это живое вопрошание человеческого духа все больше элиминируется из круга тех потребностей, которые злоба дня выдвигает как существенные? Была ли философия в общественном масштабе когда-либо деятельной, фигурально выражаясь, правила ли она миром? Стремилась ли люди попасть в философы в порядке массовом? Приходится ответить на этот вопрос отрицательно применительно к различным условиям, хотя нельзя не сказать и о тех периодах, когда на философию была «мода».

Однако сам процесс мышления (Протагор, Кант, Фихте и др.) зачастую понимался не как порождение предметом знания, но в смысле генерирования его самим субъектом. Исконная тождественность, то есть дорефлексивная, по Шеллингу, связь мышления и объекта, снимает вопрос о способе согласованности наших понятий с предметами познания. Подлинную внутреннюю и внешнюю тотальность понятия открывает Гегель.

Сокращая, по необходимости, наш экскурс в историю философии, мы можем заметить одно: невостребованность всех тонких общефилософских и логических дефиниций в плане общей культуры духа, то есть там, где он занят самим собой. Но именно эта сфера постигается и религией, и наукой, и философией как наиболее соответствующая представлениям о человеке как самоценности и самоцели, данных ему в «другом» как абсолютном индивиде, личности или обществе.

Зыбкость предметного мира не раз подтверждалась его текучестью, изменчивостью, временной преходячностью. Но именно об этот предметный мир разбивались все высокодуховные системы философского и религиозного плана и предел им и их носителям кладет с завидным постоянством неотменный факт смерти, перехода в небытие. Перед этой грубой фактичностью пасует и культура, которая вынуждена умирать не только по Шпенглеру.

Наше время привело общество к сдаче позиций философии как высшего уровня духовной культуры, с ней предполагается только знакомиться, но не «связываться», ибо познание в неразрывной связи с мышлением, пониманием не суть современного мира, ориентированного на материальный успех. Тем не менее, именно философия дает возможность справиться со стихией текущей вещности, именно она имеет своеобразный опыт осмысления, а значит, очеловечивания мира. Но тот, кто отдает себя во власть предметам и их отношениям не нуждается в философии и презирает ее за то, что она, якобы, бездеятельна, не обращая внимания, скорее не догадываясь даже, сколь деятельна эта дисциплина, порождающая мир человека и вносящая человеческое в бесчеловечное существование [1].

Нельзя и нет необходимости навязывать человеку философию как предмет или образ жизни, однако, как и культура в целом, философия дает отдельной душе и духу возможность возвыситься над царством «суеты сует», избежать состояния «факта среди других фактов». Подобно тому, как окультуренная природа может раскрывать свои невиданные свойства и силы, эксплицируя таковые же и самого человека, философия способна показать путь к обретению достоинства и полноты мышления и познания [2].

Наше время по-новому критически спрашивает философию о ней самой и ее нужности для него: на что годна и чем может помочь человеку и обществу эта область сознания и самосознания, взятая общественно или индивидуально? Смысложизненные вопросы падают, не успевая быть осмысленными и обоснованными. Почему это происходит? Это происходит потому и тогда, когда обесценивается человеческая жизнь. Яркий пример тому – Афины времен Перикла, город, охваченный чумой: «...с появлением чумы в Афинах все больше начало распространяться беззаконие. Поступки, которые раньше совершались лишь тайком, теперь творились с бесстыдной откровенностью. <...> все ринулись к чувственным наслаждениям, полагая, что жизнь и богатство одинаково преходящи. Жертвовать собою ради прекрасной цели никто уже не желал, так как не знал, не умрет ли прежде, чем успеет достичь ее. Наслаждение и все, что как-то могло служить ему, считалось само по себе уже полезным и прекрасным. Ни страх перед богами, ни закон человеческий не могли больше удержать людей от преступлений, так как они видели, что все погибают одинаково...» [4]. Массовая гибель людей производит парализующий эффект, высшие ценности попираются и остается лишь одно желание: хоть что-то, что еще возможно и значимо для человека, взять от жизни прежде, чем уйти за порог бытия.

История мировых войн демонстрировала как бессилье,

так и силу духа, причем и победителей, и побежденных. Религия, как и неверие не были спасителями всех. Таковой не стала и философия. Духовное ее значение воспитательницы и преддверия встречи с трансцендентным провозгласил Сократ. Она способна дать знание и свободу, понимание и покорность судьбе, научить скепсису и здравому смыслу. Но во всех своих проявлениях философия утверждает человеческое достоинство и саму человечность; она взывает к внутреннему миру личности и наполняет его дыханием вечности и бессмертия [3]. В самом критическом разрушении романтических надежд она, не довольствуясь ограничением Смысла ищет Смысл как опору человеческого мира.

Философу не нужно доказывать самоценности философии, и тому, кто решил прожить без нее, также не нужны никакие доказательства. Задача в ином: изменить духовный климат мира самим присутствием в нем философии, когда, в своих поисках и решениях, проблемах и высоком полете мысли она выражает одно из существеннейших стремлений человечества – стремление к полноте сознания и обладанию Истиной, Добром и Красотой. Неужели миру мало того, что философия в различных формах, школах и направлениях существует почти три тысячелетия? Но также мы в праве спросить и о том, как же миру не хватило для изменения к лучшему присутствия в нем Будды, Христа, Мухаммеда? Почему до сих пор актуальна ситуация: римский солдат, зарубивший Архимеда? Если все дело в человеческой свободе, в сложных коллизиях ее существования и применения, то ведь прямая задача философии прояснить эту проблему и, как говорили в прежние времена, указать человечеству путь, цель, истину. Вл. Соловьев полагал, что исторический смысл философского делания в раскрытии и росте человеческого в человеке. Это можно принять как важное условие. Но она не удержала мир от скатывания в бездну бесчеловечности. Возможно, ее синтез с религией был провозвестием тех духовных усилий и поисков, которые еще потребны человеку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мочалов Е.В. Гуманитаристика в XXI веке: кризис философии или философия кризиса? // Гуманитарий. 2009. № 8. С. 134-137.
2. Мочалов Е.В., Чекушкина Е.Н. Рефлексия как основание педагогической деятельности: социально-философский анализ // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 2 (18). С. 110-114.
3. Пугачев О.С. Нравственные основания идеи бессмертия: монография. Пенза, 2019. 300 с.
4. Фукидид. История. М.: Ладомир, 1999. С. 115-116.

© Пугачев Олег Сергеевич (pugachev.o.s@pgau.ru), Русакович Юрий Александрович, Дорофеева Татьяна Геннадьевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»